

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ ГЕГЕЛЯ

Настоящая статья посвящена анализу философско-правового учения Георга Гегеля сквозь призму категории «правовая культура». Показывается тесная связь правовых и этических воззрений немецкого мыслителя, рассматривается понимание Гегелем права как осуществления свободы. На основании этого делается вывод о наличии определенных ступеней в развитии правовой культуры в контексте гегелевской философской системы.

Значительное место в философской системе великого немецкого мыслителя Георга Вильгельма Фридриха Гегеля занимает правовая проблематика. В своей главной работе, посвященной этим проблемам, – «Философии права» – Гегель рассматривает широкий круг вопросов, связанных с пониманием права и этики. Не является исключением и категория «правовая культура». И хотя у самого Гегеля это понятие не встречается ни разу, в его рассуждениях о ней говорится. В юридической и философской литературе под правовой культурой принято понимать обусловленное состояние жизни общества, выраженное в достигнутом уровне развития юридических актов, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом развития субъекта, а также степень гарантированности государством свободы и поведения личности в единстве с ответственностью перед обществом. Как отмечает А.П. Семитко, «понимание правовой культуры как качественного состояния общества на каждом данном этапе его развития позволяет охватить и измерить как всю правовую жизнь в целом, так и все ее основные сферы в отдельности, а не только несколько выделяемых по тому или иному критерию правовых явлений» [6, с. 20]. В «Философии права» Гегеля мы находим мысли о качественном состоянии правовой реальности, о его критериях и характеристиках. Поэтому, на наш взгляд, правомерен вывод о том, что правовая культура является одной из тех категорий, которые получили свое развитие в гегелевском учении.

Философия права Гегеля является составной частью его логической философской системы, представляя собой философию объективного духа. Согласно немец-

кому мыслителю, объективный дух – это та ступень развития духа, когда свобода впервые приобретает форму реальности, т. е. наличного бытия в виде государственно-правовых образований. Поэтому в его философской системе наблюдается очевидная взаимосвязь между правом и свободой. Свобода вообще является главной целью всего исторического развития. В осуществлении ее идеала Гегель видит оправдание того зла, которое переполняет социальную жизнь народов. Анализируя правовые воззрения Гегеля, В.А. Бачинин справедливо отмечает, что «индивиды ввергаются в водоворот исторических событий, независимо от того, хотят они этого или нет». При этом «им кажется, что они преследуют свои собственные... интересы и цели, но на самом деле их деятельность целиком подчинена стратегическим планам Абсолютного Духа» [2, с. 206-207]. О свободе можно говорить лишь в отношении тех индивидов, чьи усилия целиком совпадают с замыслами Абсолютного Духа.

В гегелевском учении своеобразно само понимание права. Как говорится в одном из учебных пособий, «под правом Гегель понимает не просто гражданское законодательство, но также и мораль, этическую жизнь и мировую историю» [8, с. 134]. Поэтому можно выделить три основных значения, в которых понятие «право» употребляется в гегелевской философии. Во-первых, это право как свобода (идея права). Во-вторых, право как определенная ступень и форма свободы (особое право). И, наконец, в-третьих, право как закон (позитивное право) [4, с. 15]. Людвиг Хейде, сделавший обстоятельный анализ философии права Гегеля, отмечает данную особенность гегелевского понимания пра-

ва, которое у него «не является эмпирическим понятием». Учение Гегеля «имеет дело с идеей права, с существом, с субстратом, с ядром, а не с контингентной оболочкой, со всевозможными внешностями, которыми это ядро окружено, когда идея обретает свое существование во множестве форм и проявлений» [9, с. 69]. Принимая во внимание данные обстоятельства, мы в своем анализе гегелевской философии права будем опираться именно на эти определения. Сам немецкий философ заявляет, что, «говоря о праве, мы имеем в виду не только гражданское право, но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которая также сюда относится, т. к. понятие объединяет мысли согласно истине» [3, с. 92].

Следует отметить, что такая широкая трактовка права в философии Гегеля оказала огромное влияние на развитие представлений о правовой культуре как в его собственной философской системе, так и в учениях последующих поколений философов. По сути, в гегелевской философии была преодолена как узкая трактовка права в качестве позитивного законодательства (при которой показателем правового развития субъекта правоотношений оказывается знание и соблюдение правовых норм, получивших закрепление в законе), так и искусственное противопоставление естественного и позитивного права (при котором позитивное право и степень зрелости правового развития субъекта правоотношений оценивались в зависимости от наличия в них неотчуждаемых естественно-правовых компонентов). Указывая на это, Гегель пишет: «Представлять себе различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным» [3, с. 62].

Итак, предметом гегелевской философии права является идея права, т. е. «понятие права и его осуществление» [3, с. 59]. Идея права, которая и есть свобода, по замыслу и исполнению Гегеля, развертывается в мир права, который противопостав-

ляется миру природы. Интересны рассуждения немецкого мыслителя по поводу различения законов природы и законов права. «Законы природы абсолютны и имеют силу так, как они есть. Чтобы знать, в чем состоят законы природы, мы должны постигнуть природу, ибо эти законы верны, ложными могут быть лишь наши представления о них. Мерило этих законов находится вне нас, и наше познание ничего им не прибавляет, ничего не способствует им: глубже может стать только наше познание их. Законы права, с одной стороны, такое же, с другой – иное. Мы узнаем эти законы тоже такими, какие они есть. Различие... состоит в том, что при изучении правовых законов действует дух рассмотрения и уже само различие законов заставляет обратить внимание на то, что они не абсолютны. Правовые законы – это законы, идущие от людей. Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, либо согласиться с ними» [3, с. 57]. Таким образом, законы природы абсолютны, а законы права относительны. Следовательно, к правовым предписаниям человек относится всегда оценочно: «Человек не отталкивается на налично сущем, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правого: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчинится им так, как необходимости природы, ибо его внутренняя сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в самом себе находит подтверждение того, что имеет силу закона» [3, с. 57].

Данное суждение Гегеля имеет довольно важное значение для анализа правовой культуры. Дело в том, что в этом случае становится возможен конфликт между сущим и должным в правовой культуре. Правовая культура как сущее отражает наличное бытие правовой реальности, как должное – то идеальное ее состояние, которое находится в соответствии с внутренней убежденностью человека, его собственным критерием. Вот как Гегель пишет об этом: «В законах права предписание имеет силу не потому, что оно существует, и каждый человек требует, чтобы оно соответство-

вало его собственному критерию. Здесь, следовательно, возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть» [3, с. 57]. Значит, правовая реальность является отражением разумности человека, и каждый член общества в соответствии со своей разумностью оценивает «наличное право», которое может как совпадать с его представлениями о должном, так и входить с ними в противоречие. Этот «разумный» критерий оценки правовой реальности основывается на человеческом понимании свободы. Поэтому, как отмечает Л. Хейде, «существующее право, которое находится в фундаментальном противоречии с принципом любого права, т. е. со свободой, называется «неистинным» или не настоящему «действительным». Оно обречено на исчезновение» [9, с. 72].

Сфера объективного духа предстает, таким образом, как идеальная правовая действительность – объективация форм права и свободы. В свою очередь, как отмечает Л. Хейде, «Гегель... устанавливает существенную связь между правом и свободной волей», и «понятие права является результатом комплекса предварительных рассуждений, имеющих отношение к воле и свободе» [9, с. 67, 68]. Данный посыл Гегеля очень важен в контексте рассматриваемой нами проблемы, поскольку при таком подходе представляется возможным определить качественное состояние сферы объективного духа, т. е. правовой действительности. Иными словами, мы можем вести речь о правовой культуре общества на той или иной стадии его развития. Поскольку, по мысли Гегеля, система права представляет собой последовательность ступеней самоуглубления идей свободы и, следовательно, конкретизации понятия права, каждая подобная ступень есть определенное наличное бытие свободы, а значит, и особое право. Совершенно прав В.С. Нересянц в своем утверждении: «То, что Гегелем обозначается в качестве ступени объективного духа, есть особая сфера со своим смыслом и содержанием» [4, с. 10]. Данные ступени объективного духа не тождественны, а различаются между со-

бой уровнем качественного состояния. А поскольку качественное состояние правовой действительности есть правовая культура, постольку каждая ступень объективного духа может характеризоваться определенным уровнем правовой культуры. Соответственно необходим анализ каждой из названных ступеней на предмет их соответствия показателям качественного состояния и развития. Главным, ключевым показателем развития права на каждой из ступеней объективного духа является степень реализации свободы в ней, ведь «идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [3, с. 59]. Однако здесь надо иметь в виду существенный момент, о котором, в частности, пишет Л. Хейде: «Право есть наличное бытие свободы, но неверно... что любое наличное бытие есть воплощение свободы. Что-то может быть результатом произвола». Следовательно, «понятие свободы имеет различные моменты, которым будут отвечать различные правовые структуры... Высшей правовой структурой будет та, в которой все моменты понятия пришли к гармоничному развитию» [9, с. 72]. Из сказанного можно сделать вывод, что правовая реальность является реализацией свободы (должного) в действующем, позитивном праве (сущем). Не случайно Гегель заявляет в самом начале своей работы, что «философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление» [3, с. 59]. Степень реализации свободы в правовой реальности и определяет правовую культуру общества, выступая ключевым, определяющим критерием ее оценки.

Первой формой реализации свободы является ступень абстрактного права. Как отмечает Л. Хейде, это «первое, ограниченное, но все же существенное существование свободы. Это лишь ее момент» [9, с. 94]. Абстрактное право представляет собой самое начало понятийного развития понятия свободы, когда она выступает в абстрактной (еще не конкретизированной)

и непосредственной форме. Поэтому на этой ступени в характеристике правовой культуры общества и человека не учитывается ни особенность, ни конкретная индивидуальность каждого субъекта правоотношений. Следовательно, все права и обязанности, встречающиеся в абстрактном праве, носят формальный характер, и характеристика правовой культуры описывается через понятие формального равенства, иными словами, справедливости общественных отношений. Как пишет сам Гегель, «люди действительно равны, но лишь как лица, т. е. в отношении источника их владения» [3, с. 108]. Соответственно «по отношению к конкретному поступку, а также моральным и нравственным отношениям абстрактное право есть лишь возможность, и определение права поэтому лишь дозволение или полномочие... Вследствие его абстрактности необходимость этого права ограничивается негативным – не нарушать прав личности и всего вытекающего из этих прав. Поэтому существуют лишь правовые запреты, и в основании позитивной формы правовых предписаний... лежит запрет» [3, с. 98-99]. Отсюда можно вывести однозначный показатель качественного развития правовой действительности на ступени абстрактного права – степень соблюдения формально-негативных правовых предписаний, следование сформулированному Гегелем принципу: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» [3, с. 98].

Следующей ступенью права у Гегеля выступает моральность, в которой свобода воплощается не во внешних вещах или договоре, как на предыдущей стадии, а в субъективности самого воления. «Тем самым, – пишет Гегель, – для свободы определилась более высокая почва», ибо «лишь в воле как субъективной может быть действительной свобода или в себе сущая воля» [3, с. 154]. Моральность представляет собой сферу должного: «моральная точка зрения есть точка зрения отношения и долженствования или требования» [3, с. 156]. В этой сфере единство всеобщего и особенного, субъективного и объективно-

го проявляется как требование, как нечто, что является субъекту как долг. Таким образом, область морали Гегель в своей философской системе относит к праву. Венгерский автор Сурия Пракаш Синха, исследовав философско-правовые взгляды Гегеля, вывел своеобразную «формулу морали», которая «состоит в том, чтобы следовать всеобщему, когда воля обнаруживает, что любая воля, противопоставляющая себя универсальной воле, является безнравственной» [7, с. 119]. Дальше венгерский исследователь критикует это положение Гегеля, утверждая, что «такого тождества всеобщей воли с рациональной волей индивида не существует», поскольку «всеобщая воля воплощена в законах и обычаях, что не то же самое, что воля индивида» [7, с. 131]. Тем самым он разводит область морали и право, что, на наш взгляд, является неправильным, ибо адекватно отразить философско-правовые воззрения Гегеля возможно лишь принимая мораль как один из моментов развития права. Именно таким путем пошел В.А. Бачинин, который отметил, пожалуй, важнейшую составляющую развития идеи свободы на стадии моральности – развитое правосознание субъектов права: «Они должны сознательно относиться к правопорядку, уметь оценивать свои и чужие поступки с точки зрения добра и зла, законности и справедливости, иметь соответствующие представления о субъективной, мотивационной стороне преступлений. От личности требуется способность к критическому анализу своих отношений с морально-правовой реальностью» [2, с. 207].

Таким образом, в моральности главным образом речь ведется о правовой культуре личности. Данный вывод подтверждается рассуждениями М.Ф. Овсянникова, написавшего монографию о философии Гегеля. В ней советский ученый указывает, что «в области морали... речь идет о самоопределении воли... здесь воля осознает, что она сама себя определяет во внутреннем существе человека». Далее он выделяет еще один элемент правовой культуры личности, отмечая, что «субъективная,

или моральная, свобода состоит в том, что человек сам определяет содержание добра и зла, и он исполняет нравственные или религиозные требования не потому, что они предписаны некоторым авторитетом или законом; одобрение, признание и даже обоснование их он находит в своем сердце, образе мыслей, совести, понимании и т. д.» [5, с. 189-190]. Критерий моральности человека также является внутренним, субъективным – это совесть. Согласно Гегелю, «подлинная совесть есть умонастроение воли, что в себе и для себя есть добро; поэтому она покоится на незыблемых основоположениях, и таковыми для нее являются объективные для себя определения и обязанности» [3, с. 178]. Все поступки человека являются выражением его моральной воли, его совести. О высоком правовом развитии субъекта говорят только такие его поступки, которые являются моральными, а для этого «каждый поступок должен прежде всего совпадать с... намерением» [3, с. 160].

Тем не менее, на ступени моральности мы не можем говорить о правовой культуре в ее полноте и завершенности, ведь право есть бытие свободы в ее конкретной форме, т. е. единство всеобщей и особенной воли, которое должно реализоваться в общественной жизни. Абстрактное право и моральность не отвечают этому условию, а являются, как отмечает Л. Хейде, «односторонними подходами к конкретной свободе». Возможно, «они являют собой... существенные ее аспекты, но... истинны лишь тогда, когда становятся моментами целого, когда, таким образом, теряют свою обособленность» [9, с. 135]. Это становится возможным на ступени нравственности.

Именно нравственность является высшей ступенью осуществления идеи свободы, т. е. права. Правда, это следует понимать не в историческом (будто бы нравственность есть результат развития абстрактного права и моральности), а в логическом смысле. Об этом говорит и Л. Хейде: «То, что право и моральность должны пониматься как моменты «высшей», конкретной реальности, означает одновремен-

но, что «прогресс»... является фактическим движением в обратном направлении, которое ведет нас к основе, на которой должны пониматься обе абстракции. Развивая то, что предполагало абстрактное право и моральность, мы продвинулись к действительности, из которой они становятся возможными. Эта действительность является их истиной» [9, с. 135]. В нравственности осуществляется тождество правовой культуры общества и личности, т. е. единство объективного и субъективного моментов. «В целом в нравственности, – пишет Гегель, – есть как объективный, так и субъективный момент, но оба они суть только ее формы. Добро – здесь субстанция, т. е. наполнение объективного субъективным» [3, с. 200]. Это единство объективного и субъективного, всеобщего и особенного проявляется в трех относительно самостоятельных сферах: семье (когда момент особенности является имплицитным, преобладает момент всеобщности), гражданском обществе (когда, напротив, преобладает момент особенности) и государстве. Именно государство, согласно Гегелю, является венцом развития идеи права. Как отмечает В.А. Бачинин, «наиболее важным результатом правотворческих усилий людей Гегель считает государство, поскольку только в нем человек обретает максимальную свободу. Существование государства – это «шестивие Бога в мире», высшее выражение разумности, воплощение идей права и свободы, истинно триумфальное самообнаружение благой премудрости Мирового Духа» [2, с. 208].

Таким образом, только на ступени нравственности, а именно в государстве, можно говорить о полной реализации свободы в правовой реальности. Сам Гегель констатирует это, говоря о том, что, поскольку государство «есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства». Здесь содержится единство «объективной свободы, т. е. всеобщей субстанциональной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих

особенных целей воли» [3, с. 279-280]. Ведь свободен лишь тот, кто осознает логику развития объективного духа и поступает в соответствии с этой логикой, т. е. разумно. А поскольку носителем логики объективного духа, по Гегелю, является государство, свобода человека в обществе невозможна вне его рамок, правовых установлений. В.Ф. Асмус по этому поводу верно замечает, что, «так как государство и отечество означает «общность наличного бытия», так как в нем субъективная воля человека подчиняется законам, то в государстве «противоположность свободы и необходимости исчезает». Ибо разумное необходимо как субстанциальное, и мы свобод-

ны, когда мы признаем его как закон и следуем ему как субстанции нашего собственного существа. Только тогда необходимость и свобода, объективная и субъективная воля «примириются и образуют единое невозмутимое целое» [1, с. 68]. Поскольку именно это обстоятельство мы определили в качестве критерия правовой культуры, можно сделать вывод о том, что только в государстве качественное состояние правовой жизни общества становится совершенным. Подобный вывод вытекает из всей философской системы Гегеля, из особенностей его правопонимания. В конечном счете его учение оказалось апологией государства.

Список использованной литературы:

1. Асмус В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С. 52-70.
2. Бачинин В.А. История философии и социологии права. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001. – 335 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Нерсеянц В.С. «Философия права»: история и современность // Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 3-44.
5. Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 308 с.
6. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. – Свердловск, Издательство Уральского университета, 1990. – 176 с.
7. Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. – 304 с.
8. Философия права / Под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
9. Хейде Л. Осуществление свободы. Введение в гегелевскую философию права. – М.: Гнозис, 1995. – 256 с.